

Немного правды

под Новый год

Роберт Шекли: «Население Земли на протяжении тысячелетий проявляло поразительную способность избегать крайностей как в несчастьях, так и в полном блаженстве. Сколько раз предсказывали хаос и предрекали утопию – однако ни то, ни другое не наступило...»

Общественно-политический пресс-клуб

Под Новый год друзьям принято дарить подарки. И те времена – когда самым желанным подарком для нас был томик хорошей фантастики, все еще не забыты. Целые поколения выросли на лучших произведениях мастеров этого жанра. Так давайте же вновь перечитаем любимые с детства строки – чтобы еще раз вспомнить и поразмышлять о простых волшебных вещах: истине, счастье, доверии и справедливости.

Рыжий выключил телевизор. 31 декабря, семь вечера, а чего ты хотел? Естественно, «Ирония Судьбы», чтоб ей... Ты, камрад, вообще зачем к дебилизатору-то подошел? Погоду узнать? Лучше к окну подойди! Минус три, снег, ветер, темно уже.

РЫЖИЙ

Новогодняя сказка

Из прожитых на свете тридцати лет такого поганого Нового года у него еще не было. Один, в неубранной холостяцкой (вернее, «разведенной») квартире, ни елки, ни игрушек доставать не стал. На работе была пьянка, он честно напился вместе со всеми и приволок домой пол-ящика водки. Сейчас последняя доза плескалась в стакане.

Рыжий прекрасно понимал, что выпивки ему не хватит. Но вставать и идти в магазин сил явно не было, и он всерьез уже задумался: а не воспользоваться ли службой доставки из соседнего супермаркета? Ну да, наценка около двадцати процентов, зато все сами на дом принесут. А то так и придется «праздновать» – злomu, трезвому и неприкаянно-му... Без выпивки и без закуски...

О! Закуска! В холодильнике же кусок сыра есть!

Рыжий обрадовался – стакан водки без закуски его не впечатлял. Он резко встал с табурета, чтоб дотянуться до холодильника, и...

Ну да, ага... Кто ж тебя, дурня, просил стакан почти на самом краю ставить? Иди теперь за тряпкой и вытирай пол. Убравшись, он окончательно осознал, что надо либо вызывать «заказников», либо идти в магазин.

Рыжий выбрал вызов.

В телефонной книжке номер был, но где телефонная книжка? Ровный слой хлама, покрывавший квартиру, отнюдь не способствовал поиску «записнущки». Попытка же вспомнить проклятый номер увенчалась звонким фиаско – Рыжий осознал, что не знает даже, где его мобильник. Попытка же найти мобильник привела к еще более смешному результату: он нашел талон техосмотра на «девятку», пачку сигарет, конфету, ключи от братовской «бээмухи», зарядник для «айпэка» и часы.

Мобильник как сквозь землю провалился. Или сквозь мусор?

Неутешительные поиски привели к еще более неутешительным размышлениям: в магазин все-таки идти придется. Своими ножками, что характерно. Потому что 31-го вечером куда-то ехать на машине – это идиотизм высшей, золотой марки.

Мысль сия Рыжего огорчила безмерно. Пребывая в дикой печали, он начал одеваться.

На улице было мерзко – иначе и не скажешь. Пару лет назад Рыжий такой погоде бы только обрадовался – они с женой очень

любили гулять по мягкому морозцу, по свежему снегу, с чумеющей от зимы собакой.

С женой... Мда. И с собакой... Ох, мама, да когда ж меня отпустит-то, а?

Очередь, как ни странно, отсутствовала. Рыжий нашел на полках две бутылки «Ржаной», по литру каждая, батон «финского» сервелата и буханку черного хлеба с гордым названием «Бородинский».

Наверное, при Бородинской битве испечен, не иначе...

Выйдя из магазина, Рыжий остановился у края дороги,

созерцая вялую пробку из спешащих домой, к уюту и столу, планктонариев. Закурив, он поднял лицо к небу и любовался снежинками, падающими на разгоряченное в магазинной духоте лицо. Снег... Просто небесная вода. Такая же, как и дождь.

Сзади кто-то негромко и демонстративно кашлянул. Рыжий встряхнул головой и обернулся. За спиной у него стоял невысокий и немолодой человек с очень симпатичным лицом.

Его взгляд уперся Рыжему прямо в глаза, его взгляд улыбался, его взгляд как будто говорил о том, что все будет хорошо. Не абстрактно – где-то, когда-то и у кого-то – а прямо сейчас. ПРЯМО ЗДЕСЬ.

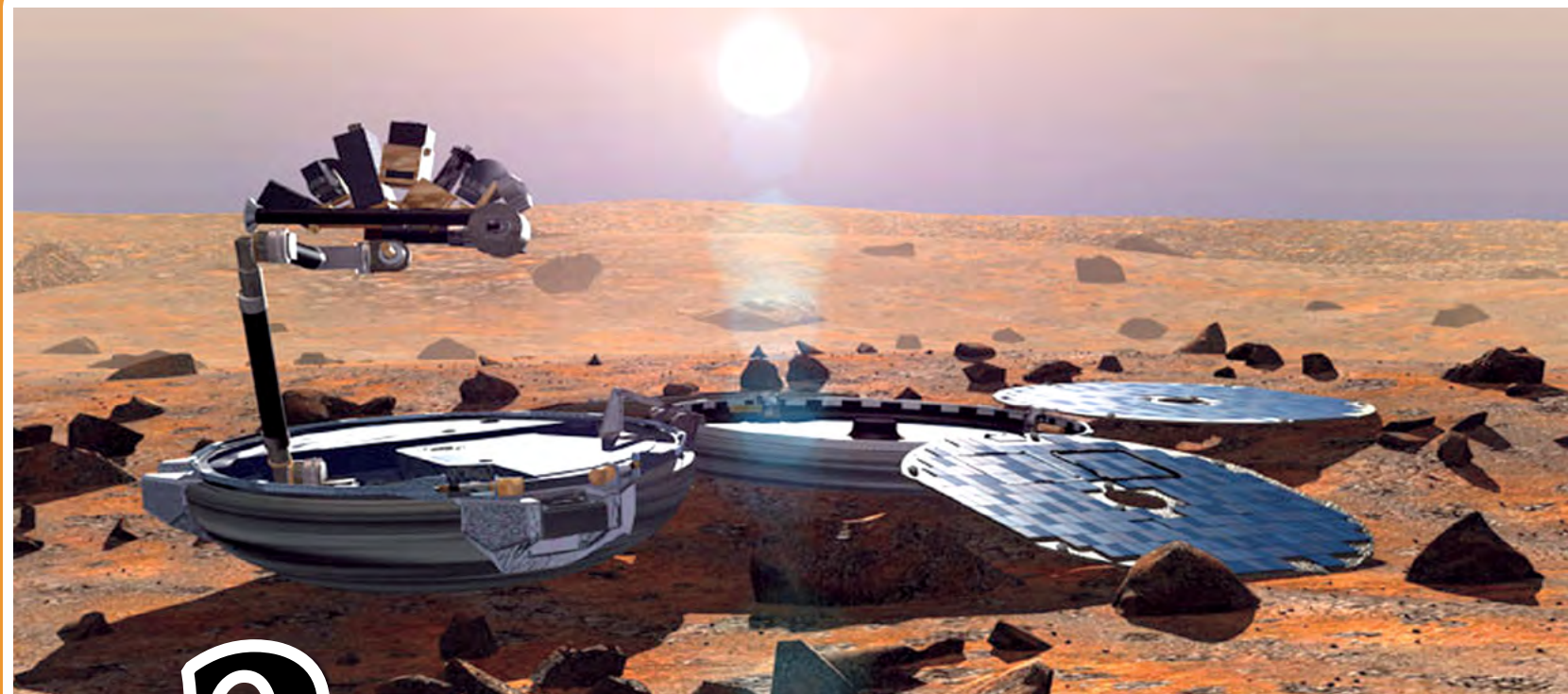
– Александр, вы не позволите вас отвлечь на некоторое время?

Сказать, что Рыжий удивился, значит не сказать ничего. Симпатичный человек тем временем продолжал:

– Я понимаю, Саша, у вас много ко мне вопросов, начиная с моей осведомленности о вашем имени, но это все не важно. Чтоб вам было проще, можете считать, что я – потустороннее явление. Вроде деда Мороза, только без мешка с подарками. К вам? Знаете, вы мне просто попались на дороге, а через секунду я уже знал о вас все. И то, что у вас в сумке, и то, почему у вас в сумке именно водка, хлеб и колбаса. И то, почему вы не поехали с друзьями на дачу... Да, Саша, все.

Все – это значит все. То, что вы сами могли бы о себе рассказать, и то, что рассказать постесняетесь...

Окончание на стр. 6.

«Заяц»

Роберт Шекли

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными головками – заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть: все мы тут, на Марсе, дженгильмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого – это традиционный способ, каким дженгильмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красному пескам Марса, которые так красиво выглядят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся. Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застался. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не пере-

делать. А заяц вошел в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты их понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях – от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрейшей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов. Я подошел к нему и спросил: – Ну и как же тебе здесь нравится?

– Госпо-ди-и! – сказал он.

– Потрясающее ощущение, не правда ли? – спросил я. – Навью стоять на взъервавшейся, всамделишной чужой планете.

– И не говорите! – произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь поспинел – весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его – пусть еще чуть-чуть помучится.

– Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, – сказал заяц. Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

– Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, – проговорил он, судорожно пытаясь

набрать воздух в легкие. – Я вроде как бы... вроде как бы...

– Вроде как бы сунул капитану взятку, – докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

– Пошли, заяц, – сказал я. – Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придеривал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компанию я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

– Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, – сказал он. – Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы – те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты.

Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати «g», и заяц, у которого нет специальных средств защиты, сплюсчивается в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до кабины пилота.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно. – Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух. – У нас нашлось бы местечко для первоклассного геолога. На худой конец – для статистика.

– Боюсь, я не...

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

– Вот знаете, сэр, – сказал Франклин, – Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думаю, может, стоюсь вроде как посыльным. И я обучен плотничьему делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, – героический фронт для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронт. Это тупик.

– Франклин! – окликнул я. – Здесь, сэр, – Он поспешил ко мне. – Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был хлопнуть его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование – это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Заяц здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

– Франклин, – сказал я, – пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

– Я не могу вернуться на Землю, – еле слышно ответил Франклин.

– Я ждал, что Франклин заляжется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

– А что ты будешь делать? – спросил я.

– А? – На мгновение он смешался, потом ответил: – Что угодно.

– Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

– Нет, сэр, – пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу немалую, горькую правду.

– Так, значит, твоя специальность не химия, – размышлял я вслух.

– Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

– Нет, сэр.

– А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

– Нет, сэр, – ответил подавленный Франклин. – Я и средней-то школы не окончил.

– Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? – спросил я.

Окончание.
Начало на стр. 3.

...Нет, Саша. Я не исполняю желаний. Во всяком случае – не исполнял до сих пор. То и значит, я не зарекаюсь, просто пока не доводилось. А что вам хочется? Да? Саша, и что вы ей скажете, можно у вас спросить? «Дорогая, у меня дома бардак, собака попала под машину, я пью уже почти третий месяц, потерял мобильный и разбил машину»? Саша, вы уверены, что хотите вызвать в ней именно жалость?

...Альтернатива пьянству? Есть, а как же. Хотите побывать на Луне? Могу устроить. Нет, скафандра предоставить не могу – нету. Хотите в Париж? А в Нью-Йорк? А в Амстердам? Ну, может быть, на худой конец, в Петербург? Как хотите. Знаете, Саша, в чем ваша беда?

После этих слов Рыжего как подкинуло. Он уставился на «потустороннее явление» взглядом матерого рыбака, узрешего трехкилограммового карпа. И во взгляде Рыжего очень легко читалась бегущая строка, набранная четырнадцатым кеглем: «НУ И?»

– А беда ваша, Александр, – «потусторонний» потускнел, как старая вилка, – исключительно в том, что вам кажется, будто вам хуже всех.

– То есть?

– Саша, вы никогда не задумывались, сколько всего доброго и хорошего вы можете сделать для тех, кому хуже, чем вам?

– Да кому хуже-то? Бомжам, что ли, в подвале?

– Да хотя бы и им. Или смертельно больному ребенку, отданному родителями в хоспис. Вы не задумывались, Саша, каково им?

Рыжий остолбенел. Он и вправду никогда об этом не задумывался, но не в силу черствости души, а исключительно потому, что ему было некогда. Когда у него все было хорошо, он крутился, как белка в колесе. А когда его мирок рухнул – он просто замкнулся в себе.

– Простите, но к чему и зачем вы мне все это говорите?

– Саша... Я не могу вам ничем помочь, простите. Но я предлагаю вам другое – хотите сделать эту ночь праздником для того, кому плохо? Кому так же, как и вам грустно и одиноко. Хотите? А я в этом вам помогу...

Рыжий думал недолго. Секунд пять.

– Да. Хочу.

– Идемте – и «потустороннее явление» шагнуло из-под козырька автобусной остановки в метель. Сашка выдохнул и тоже шагнул вперед, на секунду ослепнув от снега...

Рыжий смотрел в окно, стоя

на балконе снаружи. Картинка, которая предстала перед его взором, могла бы смело претендовать на звание самой безрадостной.

В комнате, на кровати, лежала молодая женщина. На вид – не больше двадцати пяти. У нее были загипсованы рука, шея и обе ноги. К тому же была перевязана бинтом голова. Рядом с ней сидела девочка лет пяти-шести и с выражением что-то читала из огромной дет-

Новогодняя сказка

место в мешке, и Сашка пошел обратно к тому дому. Позвонив в дверь, он судорожно придумывал, что будет говорить.

Но так ничего и не успел придумать, пока из-за двери не раздался звонкий детский голосок, вопрошающий: «Кто там?»

– Дед Мороз, подарки принес! – возопил Рыжий, стараясь придать своему пропитому голосу максимальную «дедморозность».

– Ой! – радостно раздалось

Ушел он из этой квартиры через полтора часа, накрыв стол «по-полной», выслушав три стихотворения, песенку, выпив почти литр чая и стараясь выгнать у себя из ушей тихий шепот женщины: «Спасибо тебе, братишка, я за тебя молиться буду, дай тебе бог всего хорошего, спасибо...»

На улице Рыжий достал из кармана сигареты и выкурил три, одну за другой, стараясь унять дрожь в коленях. Симпатяги рядом видно не было. «Странно» – подумал Сашка.

нимая, кого они несут.

Оказалось, женщину. Рожену. Несколько километров не довели ее до роддома – на дороге взорвалось одно из старых, изношенных колес у «Газели», и все, что смог сделать водитель – это мягко лечь в кювет. Сашка, слушая их сбивчивый рассказ и стоны роженницы на заднем сидении, гнал изо всех сил к городу – он был обязан успеть.

Но не успел, совсем чуть-чуть. Как потом выяснилось, воды у нее отошли еще в «скорой», а схватки начались еще дома. Родила она в геленде, на заднем сидении, оглушительно плача, смущая Сашку.

Первый крик ребенка... До сих пор Рыжему не доводилось его слышать, да и свидетелем родов он тоже никогда не был.

– Мальчик. Славненький такой! – Врач не переставал умиляться. Молодая мама, которой вкатили обезболивающее, сидела, укутанная пледом, который нашелся в багажнике. Вода и пеленки по непонятной случайности там тоже нашлись. А ребенок не унимался, сердито крича на врача, на Сашку, на водилу «скорой» и на мать...

А потом, довезя маму и ребенка до роддома, высадив медбригаду, Сашка долго отказывался давать им номер своего телефона и отнекивался от шампанского, заявляя, что ему еще за руль...

...А потом он подвозил девушку, которая спешила помириться до Нового Года со своим любимым, которого она очень обидела несколько недель назад, а сейчас хотела сделать ему сюрприз, приехав к бою Курантов...

...Бой Курантов он слушал, помогая двум мужикам выталкивать засевший в сугробе УАЗик, на котором один из них спешил домой, чтобы встретить Новый Год с семьей...

...Речь Президента Сашка в этом году не слышал. И не сильно тому огорчился. А когда страна смотрела новогоднюю программу, Сашка старался расклинить двери лифта в старом доме, чтобы помочь выбраться застрявшей паре молодоженов, поженившихся 31-го утром...

Рыжий проснулся от настойчивой трели мобильника. Того самого, который он не мог найти вечером. Оказывается, вредная техника спряталась под подушкой. На дилее высветилось «номер не определен», и Рыжий задумался – отвечать или нет. В голове вихрем пронеслись ночные события, и он пытался понять – ему это приснилось или было в самом деле? На столе лежали ключи от геленды и полотняный красный мешок. Мобильник не унимался. Сашка, поморщившись, снял трубку:

– Алло?

– Сашка... Рыжий... Любимый... С Новым Годом, Сашка...

ской «Книжки-с-Картинками». Напротив кровати, на серванте, виднелись две фотографии. Одна – счастливой семьи, в которой несложно было угадать эту женщину и эту девочку. Но рядом с ними стоял молодой и сильный мужчина. А стоящая рядом фотография была как раз фотографией этого самого мужчины. И вокруг ее обрамляла траурная лента.

– Автокатастрофа, Саша – прозвучал голос потустороннего симпатяги над ухом, – она ближайший месяц не сможет не то что встать, а даже и сесть, перебит позвоночник. Муж погиб. Дочке сказала, что папа уехал. Днем к ним заходит иногда соседка, готовит еду и ходит в магазин. Но ей семьдесят лет, да и сейчас она тоже в больнице – утром ей стало плохо. Саша, у вас деньги есть еще?

– Есть, а что? – Рыжий почувствовал вдруг, что знает ответ. И помчался со всех ног к яркой, сияющей вывеске «24 часа».

В магазине он полчаса объяснялся с заведующей, но в итоге все-таки уговорил ее продать костюм со статуи Деда Мороза, стоящей перед входом. Помимо костюма, Рыжий купил несколько килограммов того, что, обобщая, можно было бы назвать «праздничной корзиной». Конфеты-колбасы-сыры-салаты-овощи-фрукты-несколько мягких игрушек заняли свое

из-за двери. – Правда?

– Правда, правда. Спроси у мамы!

Девочка ничего у мамы спрашивать не стала. Она просто открыла дверь – ведь дети так любят приход Деда Мороза... И очень редко кто видел его «вживую».

– Здравствуй, девочка! – Рыжий старался, как мог. – Я – Дед Мороз, принес тебе вот этого медведя! – Из мешка вынырнул огромный плюшевый красавец размером почти с саму девочку.

– Ой! Как здорово! Ма-ааааа! Мне Дедушка Мороз принес медведя!

Ребенок со всех ног помчался в комнату. Рыжий, не дожидаясь приглашения, вошел и направился к больной женщине, глядящей непонимающим взглядом.

– Не бойтесь, – он говорил почти одними губами, – я ничего плохого вам не сделаю!

Поняла.

– Леночка! Отнеси мишку к себе и причеши его, а то он только из мешка и очень лохматый. – Ее тихий голос практически громом отдался в ушах у Сашки. Ребенок с визгами восторга убежал с медведем в обнимку в соседнюю комнату.

– Кто вы? Что вам нужно?

– Ничего. Клянусь. Считайте, что я, и правда, Дед Мороз. – Рыжий тем временем начал доставать из мешка нарезки, торт, салаты, фрукты...

Выкинув третий окуроч, он стянул через голову «тулуп» из тонкой хэбэшки, засунул его в мешок. Туда же полетели штаны «Деда Мороза», такие же красные и раздутые, как и накладной нос.

Из-за угла дома выехал здоровый джип, подъехал к Сашке и остановился. Из-за руля вылез Симпатяга.

– Саша, вы еще не передумали?

– Не передумал о чем?

– Приносить людям праздники.

– Нет, а что?

– Садитесь за руль, я покажу вам, куда ехать.

Рыжий забрался за руль и, не дожидаясь указаний Симпатяги, повел геленд прямо в снежное безумие, в вихрь посреди улицы.

Вдруг взгляд его зацепился за темное пятно на обочине. Он инстинктивно включил дальний свет и принял правее.

В кювете лежал микроавтобус. «Скорая». Ее «маячок»-специгнал вращался в снегу, и с дороги видно его не было. Зато была видна цепочка следов, ведущих в сторону от дороги.

Он нагнал их метров через триста. Двое мужчин несли носилки, а идущая рядом девушка, заслышав шум его мотора, голосовала на дороге. Сашка остановился, еще не особо по-